

Читайте в серии
«Сказки темного города»:

МАМА КУКОЛ
СЕСТРА РУСАЛКИ

Продолжение следует...

МАЙЯ ЭДЛИН

СЕСТРА РУСАЛКИ

Москва
2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э21

Иллюстрация на обложке *F3LC4T*

Художественное оформление *Кристины Оскаровой*

Эдлин, Майя.

Э21 Сестра русалки / Майя Эдлин. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-197806-8

Родители Сони выбрали самое мрачное место для переезда – Графскую усадьбу. Их не смутили ни движущиеся статуи графского парка, ни русалки Тихого озера, ни звонящий колокол затопленной церкви. Они уверены: не стоит верить всему, о чем судачат горожане. Но если русалки – лишь легенда, почему ночами в парке слышны шорохи? Почему на окнах появляются отпечатки мокрых ладоней, а ручка входной двери все время влажная, как будто кто-то пытается проникнуть внутрь? Почему призрак покойной сестры Сони настойчиво предупреждает об опасности? Что бы ни говорили родители, Соня знает наверняка: русалки Тихого озера не выдумка. Десять лет назад она повстречалась с одной из них, и это едва не стоило ей жизни. Пришло время встретиться с ними снова...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197806-8

© Эдлин М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

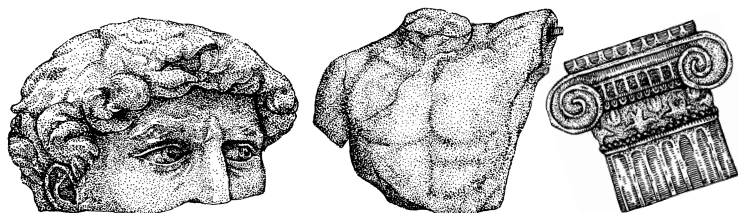
*Посвящается маме.
Быть похожей на тебя –
лучший из комплиментов*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Сейчас

В нашем городе с незапамятных времен существует три кладбища — кладбище упокоения, кладбище искупления и кладбище забвения.

На первом спят вечным сном те, кто покинул наш бренный мир и отправился на небеса или в преисподнюю — словом, туда, где и должно оказаться бессмертным душам.

На втором хоронят тех, кому и после смерти суждено остаться среди живых. Их последнее пристанище запрятано в лабиринте скал и обнесено частоколом железных прутьев с острыми наконечниками, чтобы никто не забрался в проклятый некрополь и — что намного важнее — чтобы никто из него не выбрался. Искупление... Да, именно его должны обрести запертые там мертвецы, вымаливая отпущение грехов вечным заточением в этом рукотворном аду. Самоубийцы, ведьмы, убийцы — все они заперты в каменном мешке среди трех безымянных скал — горожане так боятся этого места, что не дают им имен.

Вопреки тому ужасу, что внушает местным кладбище искупления, это красивейшее место, пышущий зеленью оазис среди ржавчины каменного пейзажа. Могилы утопают в обилии цветов, которые никто не сажал, будто сама природа пытается восстановить баланс между мерзостью и красотой, прикрывая все то зло, что гнездится под землей, обилием красок, буйно цветущих на поверхности. Несмотря на то что природа взяла уход за некрополем в свои руки, люди тоже присматривают за местными могилами, пусть и весьма неохотно. В городе не принято забывать своих усопших, будь то даже колдун, самоубийца или близнец.

При чем тут последние, спросите вы? Так уж исторически сложилось, что к близнецам в нашем городе особое отношение. Если в любой другой точке мира они вызывают лишь безобидное любопытство, то в здешних местах дела обстоят совершенно иначе: два одинаковых человека вызывают у горожан чувства совершенно противоположные: одному достается всеобщая любовь, другому — подозрительность и страх.

Средневековые суеверия, скажете вы? Как бы не так, отвечу я. Дело в том, что рожденные в наших широтах близняшки сильно отличаются от обычных людей. Один из них всегда —

Сестра русалки

дитя света, второй — всегда дитя тьмы. Первый проживет обычную жизнь и с большой вероятностью станет помогать людям, второй — обречен видеть тонкие материи и общаться с нечистью. Один после смерти отправится к праотцам, другой — останется бродить по нашей грешной земле озлобленным призраком.

Чтобы распознать, кто из близнецов душу какого оттенка имеет, понадобится время. Как и любые другие, наши рождаются абсолютно одинаковыми и в младенчестве мало чем отличаются друг от друга. Способности, дарованные им высшими — и низшими — силами, впервые проявляются, когда малыши начинают осваивать речь: светлый принимается радовать родителей стишками и песенками, а темный — пугать зловещими предсказаниями, которые, как не трудно догадаться, почти всегда сбываются.

В отношении к близнецам горожане привычно разделились на два лагеря: одни чурались их как чумы, другие думали, что иметь под боком личного медиума очень даже полезно. Немало было и тех, кто считал разделение на темного и светлого диким суеверием, но скептиками такие люди оставались недолго, до первого общения с темным близнецом.

Наверное, стоит уточнить, что темные близнецы не были воплощением зла, как могло по-

казаться из вышесказанного. Это были обычные люди, со своими достоинствами и недостатками. Они получали образование, заводили семьи, рожали детей, общались с соседями и всеми силами старались вести привычный для окружающих образ жизни. От рядовых горожан их отличало лишь то, что жить им приходилось бок о бок еще и с умершими, которые не захотели или не смогли покинуть наш бренный мир. Некоторые из темных — далеко не все — могли предсказывать будущее или видели прошлое.

Светлые же близнецы, словно уравновешивая проклятый дар своей темной половины, часто обладали способностями к врачеванию, поэтому профессии выбирали соответствующие — из них получались первоклассные врачи и медсестры.

Несмотря на колоссальную разницу в судьбах, жизненный путь у всех близнецов заканчивается одинаково — на кладбище искупления. И если подобное место упокоения для темных более чем логично, то относительно светлых у многих возникают закономерные возражения. На это у меня, увы, нет ответа. Так уж исторически сложилось — близнецы, две половины одного целого, добро и зло, должны покоиться вместе, иначе... А что случится «иначе», каждый волен додумать сам.

Сестра русалки

Мой велосипед долго петляет в лабиринте меж трех безымянных скал — старожилы города очень постарались, чтобы дорогу в проклятый некрополь отыскал лишь самый упертый. Неторопливо крутя педали, я скольжу взглядом по ржавым скалам и тусклому небу — сплошная сепия, куда ни глянь.

Но вот за очередным поворотом моему взору предстает буйство красок — словно закончились бесконечные песчаные дюны и караван наконец вышел к оазису. Я оставляю велосипед у кованых ворот и запрокидываю голову, чтобы рассмотреть острые наконечники прутьев, похожие на пики.

«Удивительно, что колючую проволоку под напряжением поверху не пустили», — всегда шутила на этот счет Нина.

Я грустно улыбаюсь и вынимаю из велосипедной корзинки букет лилий. Мое присутствие не остается незамеченным — из сторожки у ворот выглядывает кладбищенский сторож и, взглянув на меня с любопытством, гремит связкой ключей на ремне и без лишних вопросов отпирает навесной замок. Заметив удивле-

ние на моем лице, он гостеприимно распахивает тяжелую дверь.

— А я вас узнал, — объясняет он, почему так легко пропустил постороннего через границу между мирами. — Вы ведь писательница, да? Моя племянница обожает ваши книжки.

Я с улыбкой демонстрирую букет как доказательство, что пришла проведать могилу дорогого человека.

— Новая книжка скоро выйдет? — Он безразлично кивает на букет. — Все предыдущие племяшка уже наизусть выучила.

— В следующую пятницу приводите ее в «Храм книг», она будет приятно удивлена, — кидаю я через плечо, проходя мимо.

Довольный, он улыбается мне вслед:

— Обязательно. Если что понадобится, обращайтесь. Я буду здесь, в сторожке. Инвентарь, может, садовый... Или еще что...

— Хорошо, спасибо. — Я стремительно удаляюсь в глубь самшитовой аллеи.

Ветви надо мной образуют плотный купол, с которого паутиной свисает мох. Здесь прохладно и влажно, пахнет грибами и сыростью. Я будто переместилась из тихого приморского городка в субтропический лес. В лес, где не поют птицы, не жужжат насекомые, не снуют мелкие зверьки. На всякий случай про-

Сестра русалки

веряю, двигается ли секундная стрелка на моих наручных часах, не замерло ли время, и, сбивая с толку, едва не пропускаю нужный поворот. Вышагиваю по заросшей мхом тропинке, мысленно отгоняя духов, способных заставить меня долго блуждать в этом зеленом чистилище. Я не была здесь двадцать лет, но сердце услужливо подсказывает дорогу, ускоряя пульс у очередной развилки. Сворачиваю направо — жизнь потерю или счастье найду? — и через десяток метров вижу мраморное надгробие редкого красно-коричневого оттенка.

— Садовый инвентарь? — Я осуждающе качаю головой. — А лишняя газонокосилка у вас, случаем, не завалилась?

Вряд ли где-то найдется вторая настолько запущенная могила. Я опускаюсь на колени, приминая траву у изголовья, и провожу рукой по холодному мрамору, стирая слой пыли и грязи с родного имени.

«Матвеева София Михайловна».

— Эх, Соня-Соня, — вздыхаю я. — А я так надеялась, что мне больше никогда не придется здесь побывать.

